

СТАТЬИ

Г. ЦАНКОВА-ПЕТКОВА

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ БОЛГАРСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПЕРИОД ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСПОДСТВА

Аграрные отношения в средневековой Болгарии, как и в остальных балканских землях в эпоху средневековья, являются в настоящее время предметом глубокого изучения¹. Одной из важнейших сторон этой проблемы является вопрос о крестьянском землевладении и положении крестьянства при феодализме². Особый интерес в этом отношении представляет период византийского господства в Болгарии. Подготовленный предшествующим развитием процесс феодализации в Болгарии ускорился и углубился под влиянием византийской феодальной системы. Одновременно с переходом земель в руки светских и духовных феодалов наблюдались упадок свободного крестьянства и вовлечение его в разные виды зависимости.

Именно данному периоду посвящено несколько новейших исследований и монографий советских, болгарских и других ученых. Эти работы бросают новый свет на социально-экономическое развитие болгарского народа и населения других балканских земель³, и, таким образом, создается достаточная основа для дальнейших исследований, ибо на многие вопросы пока еще нельзя дать окончательный ответ.

¹ Из предшествующих исследований следует упомянуть работы Д. Ксаналатоса («Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte Makedoniens im Mittelalter, hauptsächlich auf Grund der Briefe des Erzbischofs Theophylaktos von Achrida». München, 1937), Ив. Сакызова («Bulgarische Wirtschaftsgeschichte». Berlin, 1929), А. П. Каждана («Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.». М., 1952), Г. Острогорского («La Propriété». Буз., XXIII, 1952—1953) и Д. Ангелова («Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV в.». София, 1958).

² Д. Ангелов. Принос към народностните и доземлените отношения в Македония през първата четвърт на XIII век. «Известия на Камарата на народната култура», 1947, № 1; Ал. Бурмов. Зависимото население в България през XIII—XIV в. ИП, 1947, № 3; Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, III, 1950; G. Ostrogorski j. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956; А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии в X веке. ВВ, XI, 1956; P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», t. 219—220, 1958.

³ А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. «УЗ Тульского пед. ин-та», II, 1951; Г. Г. Литвин. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. «УЗ Ин-та славяноведения», XIV, 1956; е го же. Болгария и Византия XI—XII вв. М., 1960; Г. Цанкова-Петкова. Югозападните български земи през XI век според «Стратегикона» на Кекавмен. ИИБИ, VI, 1956; М. М. Фрейденберг. Развитие феодальных отношений в византийской деревне XI—XII вв. «УЗ Великолуцкого пед. ин-та», I, 1956; П. Тивчев. Към въпроса за селското население във Византия през XII в. ГСУ, Филос.-ист. фак., т. 53, 1960.

Задача настоящей статьи — проследить судьбы свободного крестьянства в Болгарии в отдельные периоды византийского господства. Необходимо прежде всего рассмотреть вопрос о характере крестьянской поземельной собственности, которому не уделялось до сих пор достаточного внимания, а также вопрос о социально-экономическом облике крестьянского хозяйства. Для выяснения этих вопросов привлекается материал преимущественно византийских источников, в первую очередь источники документального характера: монастырские типики, хрисовулы и распоряжения императорской канцелярии, а также эпистолярные, нарративные и другие письменные памятники. Эти материалы хотя и рассматривались предшествующими исследователями, но все же содержат еще недостаточно разъясненные, на наш взгляд, или неточно истолкованные сведения.

1. СВОБОДНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Известно, что концентрация земли в руках крупных феодалов совершалась за счет свободного крестьянства, которое постепенно вовлекалось в зависимость. Разложение сельской общины и классовое расслоение содействовали поглощению земель свободного крестьянства крупным землевладением.

Разумеется, мелкие поземельные собственники продолжали существовать и в рассматриваемый нами период, и позднее. В этом согласны почти все новейшие исследователи аграрных отношений в Византии и других балканских землях⁴. Однако недостаточно выяснен вопрос о соотношении между так называемыми свободными и зависимыми крестьянами, а также об обязанностях тех и других по отношению к центральной власти и феодальным собственникам.

Мы знаем, что около 1019 г. по просьбе Охридского архиепископа император Василий II письменно определил число клириков и париков, обязанных трудиться на землях, принадлежащих Охридской архиепископии. По данным первой грамоты Василия II, Охридский архиепископ имел право только на 40 клириков и 30 париков в Охриде, Преспе, Мокре и Кичеве, а епископ Костура, у которого раньше было больше зависимых людей, ныне получал право также только на 40 клириков и 30 париков в областях Костура, Корешты, Колони, Девола, Воюсы и Мокры⁵. Другими словами, в шести областях, которые охватывала епископия Костура, она имела 70 зависимых от нее церковных людей (клириков и париков), т. е. по 10—12 человек на каждую область. Правда, некоторые села в XI в. были весьма малочисленными⁶, однако мы полагаем, что переданные церкви зависимые крестьяне с их семьями составляли лишь часть населения соответствующих деревень. Остальные их жители являлись свободными мелкими собственниками. Они уплачивали налоги и несли ряд других повинностей в пользу центральной власти, ибо зависели только от нее⁷.

⁴ D. Xanalatos. Beiträge. . . , S. 36 f.; G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1953, p. 140; Г. Г. Литаврин. Крестьянство. . . , стр. 228—229; его же. Болгария и Византия. . . , стр. 176 сл.

⁵ См. И. Иванов. Български старини из Македонија. София, 1931, стр. 551.

⁶ Обычно село того времени имело около 20—30 домов (хозяйств). Ср. новеллу Исаака I Комнина от 1057—1059 гг. [K. E. Zachariä von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, I. Leipzig, 1956 (далее — Jus, I), p. 725].

⁷ Мы оставляем в стороне вопрос о том, можно ли отождествлять этих крестьян-налогоплательщиков казны с упоминаемыми в некоторых документах «государственными париками», как это делают некоторые современные авторы (см., например, G. Ostrogorski. Quelques problèmes. . . , p. 18—20). Более аргументированным является предположение, что понятие «государственные парики» имеет более

О преобладании свободного крестьянства в Болгарии в правление Самуила и в первые десятилетия византийского господства красноречиво сообщает Кедрин: «Так как император Василий, когда покорил болгар, не пожелал сделать никаких нововведений и перемен, но стремился оставить их в том же положении, чтобы они жили так же, как это установил Самуил: болгарин, который имел упряжку волов, должен давать государству один модий зерна, столько же проса и кувшин вина, орфанотроф постановил вносить вместо продуктов номисмы, но местное население не вынесло этого и, найдя удобный случай во время восстания Деляна, пыталось сбросить ромейскую власть и вернуться к прежним порядкам»⁸.

Здесь идет речь о болгарских налогоплательщиках при Самуиле, а затем при Василии II и его наследниках. Среднее хозяйство, располагающее упряжкой волов, уплачивало государственный налог в натуре — модий зерна, модий проса и кувшин вина. Так продолжалось вплоть до 1040 г., когда в связи с налоговой реформой Михаила IV вспыхнуло восстание Петра Деляна. Ясно, что упомянутые тут налогоплательщики являлись свободными мелкими собственниками, не обремененными другими повинностями.

Во многих документах монастыря Лавры говорится о небольших дарениях, которые, вероятно, совершали мелкие собственники, завещавшие свое имущество монастырю⁹. Из хрисовула Алексея Комнина от 1086 г., которым село Хостиана (ныне село Фуштани¹⁰-Европос в Могленском округе) было подарено в качестве пронии Льву Кефале, видно, что жители этого села до акта дарения являлись свободными крестьянами¹¹. В том же хрисовуле говорится, что не следует после дарения села позволять селиться в нем жителям соседних сел¹². Очевидно, эти соседние села, жители которых названы эпиками (*ἐπικοί*)¹³, в это время были также свободны от феодальной зависимости.

При дарении монастырю Богородицы Милостивой императором Мануилом Комнином 1000 модиев заброшенных земель, 12 участков девяти свободных крестьянских семей (общим размером в 166 модиев)¹⁴, которые платили налоги государству и на земли которых монастырь не имел права вступать, были окружены монастырскими землями¹⁵. Но эти крестьяне оставались свободными, как и другие их односельчане, жители сел Лясковица и Кондаратон¹⁶. При описании границ монастырских земель также упоминаются земли свободных крестьян: поля Черно, Руско и другие земли соседних сел Лясковица, Дряново, Вршница и др.¹⁷

узкое значение (см., например, Д. Ангелов. Принос към народностните и поземелните отношения. . . , стр. 74; по мнению Д. Ангелова, это крестьяне, обрабатывающие личный домен императора). П. Лемерль («Esquisse. . . », р. 90—91) считает, что они были безземельными крестьянами, которых центральная власть обязала обрабатывать покинутые и опустевшие земли (*κλάσματα*), ставшие через 30 лет собственностью государства.

⁸ G. Cedreni Historiarum Compendium. Bonnae, II, p. 530. 9—15.

⁹ G. Rouillard. — P. Collomp. Actes de Lavra, I (897—1178). Paris, 1937 (далее — Lavra), № 29, р. 77—78.

¹⁰ И. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, стр. 42.

¹¹ Lavra, № 41, р. 110—111.

¹² Ibid., р. 111, 27.

¹³ Ibidem. Термин «эпики» весьма часто употребляется в значении «свободные крестьяне-общинники», означая в то же время вообще «жителей» (ср. А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . . , стр. 79—80; Д. Ангелов. Принос към народностните и поземелните отношения. . . , стр. 52, 73—74).

¹⁴ Один модий равен примерно 840 м².

¹⁵ L. Petit. Le monastère de Notre Dame de Pitié. — ИРАИК, VI, вып. 1, 1900, р. 44.2—9.

¹⁶ Ibid., р. 44.4.

¹⁷ Ibid., р. 41.24—42.1.

Эти соседние с монастырем Богородицы Милостивой села были, по всей вероятности, свободными сельскими общинами. Мелкие свободные собственники этих деревень (налогоплательщики государства) также названы «эпиками»¹⁸.

В «Стратегиконе» Кекавмена очень часто упоминается о мелких поземельных собственниках, которые боролись за сохранение наследственной собственности (*πράγμα γονικόν*) и самостоятельности своего хозяйства¹⁹.

О свободных крестьянах-общинниках неоднократно говорится в переписке Феофилакта Охридского. Так, в одном из писем он жалуется на некоего Николу Вутова, который таскал по судам «беса» Михаила Ламбина²⁰. Этот Никола Вутов, по всей вероятности, свободный крестьянин, который возбудил процесс против зависимого от Феофилакта парика. В другом письме Феофилакт сообщает о жителях (*χωρίτας*) свободного села, которые якобы добровольно отделились под защиту и власть архиепископии²¹. В третьем письме Феофилакт с иронией передает слова парика Лазаря, который обвинял архиепископа в том, что он «похищал жителей Охрида с их полей и виноградников»²².

Из этих сведений видно, что далеко не все села в пределах Охридской архиепископии находились в зависимости от нее.

Весьма характерно, что если в начале XI в. число зависимых крестьян было довольно ограниченным (лишь несколько человек на целую область), то в конце XI и в XII в. появляются целые села, населенные зависимыми крестьянами. Известно, что в 1185 г. два брата-болярина Феодор и Асень явились к императору Исааку Ангелу с просьбой, чтобы он зачислил их в состав византийского войска, подарив посредством императорского хрисовула некое малодоходное село на Старой Планине²³. Хотя их просьба не была удовлетворена, это сообщение показывает, что и в Северной Болгарии существовала практика раздачи феодалам земель со свободными людьми.

Тем не менее свободная сельская община в болгарских землях в XI—XII вв. все еще преобладала²⁴. Свободные крестьяне-налогоплательщики государства все еще составляли большинство населения в болгарских землях. В наших источниках они обозначаются обычно как «люде»,

¹⁸ L. Petit. Le monastère de Notre Dame de Pitié. — ИРАИК, VI, вып. 1, 1900, p. 40.1.

¹⁹ *С е с а u m e n i Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus*, ed. B. Wassiliowsky—V. Jernstedt. Petropoli, 1896, p. 37. 23—28; ср. p. 36.10—23; 50. 1—3, 15—19; 51.11—15.

²⁰ *Theophylacti Bulgariae Archiepiscopi Epistolae*. PG, t. 126, col. 532A. Под словом «бес», возможно, имеется в виду влах: влахи считались потомками бесов (*С е с а u м е n i Strategicon*, p. 74. 16). О влахах как о категории зависимых крестьян см. Д. Ангелов. Аграрные отношения, III, стр. 101—107.

²¹ PG, t. 126, col. 449C.

²² *Ibid.*, col. 445A.

²³ *Nicetae Choniatae Historia*. Bonnae, p. 482.15—17.

²⁴ О превращении родовой общины в сельскую (территориальную) у балканских славян в VII—VIII вв. см. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 115—119. О сохранении некоторых пережитков родовой общины в Болгарии в XI—XII вв. ср. Г. Г. Литаврин. Крестьянство. . . , стр. 230—232; е го же. Болгария и Византия. . . , стр. 63—68.

²⁵ В значении «свободные крестьяне» термин «люде» встречается в «Законе судном людем» (далее — ЗСЛ). В 3-й главе краткой редакции (В. Ганев. Законъ Соудный Людмъ. Правно-исторически и правно-аналитически проучвания. София, 1959, стр. 204) говорится о разделе добычи: «О шестую часть достонть взнмати князю, а прочее все число взнмати всемь людмъ, в равную часть разделити велекаго и малого». «Людие» здесь означает вообще «люди» — свободные и зависимые, знатные и незнатные. Ср. там же, стр. 94: «простых людей». В «Чуде св. Георгия» выражение «в людях» (см. Ив. Дуйчев. Из старата българска книжинна, I. София, 1943, стр. 70, 71, 203) употреблено также в значении «свободные крестьяне», одним из которых и был сам

«ЛЮДИЕ»²⁵, а в византийских — как *χωρίται*, *ένοικοι*, *έποικοι*²⁶. В большинстве своем это — мелкие земледельцы, сами обрабатывающие свою землю. Были, впрочем, среди них и безземельные (*άκτῆμονες*), некоторые из которых занимались ремеслом. В налоговой описи села Радупово (ныне село Радоливо, Серрский округ) от августа 1098 г., в которой сообщаются сведения о размерах налога с каждого крестьянского хозяйства, на предпоследнем месте упомянут сапожник Иоанн Болгарин. В этой описи крестьянские хозяйства распределены по графам в зависимости от их имущественного положения. В то время как первые девять семей платят каждая по четыре вида налога ($1/2 + 1/3 + 1/48$ номисмы = $43/48$, или приблизительно 0,9 номисмы), десять платят только по два вида налога ($1/2 + 1/24$), а одиннадцатая семья — сапожник Иоанн Болгарин — только $1/16 + 1/48$, или около 0,09 номисмы. Если судить по видам и размерам налогообложения, сапожник Иоанн был безземельным и наиболее бедным из перечисленных крестьян²⁷.

Свободные крестьяне могли полностью располагать своим имуществом — продать, отдать в приданное. Продажа имущества была ограничена лишь правом предпочтения (*πρότιμης*). Феодальные институты в это время находились в процессе оформления. Как правильно подчеркнул советский историк Г. Г. Литаврин, славяно-болгарская сельская община в XI—XII вв. отличалась некоторыми особенностями, которые напоминают сохранившуюся на Балканах до XIX в. большую семью — задругу²⁸. Существование большой семьи, по мнению А. П. Каждана²⁹, свидетельствует о пережитках родовых отношений. Однако свобода в средние века была весьма необеспеченной³⁰. Свободные крестьяне, обремененные чрезмерными налогами и государственными повинностями, нередко прибегали к покровительству крупных феодалов и вскоре становились их париками. Это явление стало значительно более распространенным в XII в.

Георгий А. Бурмов («Зависимото население. . .», стр. 257) идентифицирует «людие» с так называемыми баштинниками, которые, по его мнению, являются категорией зависимых крестьян.

Это определение неточное. Вначале баштинники являлись владельцами своих «баштин» — наследственной собственности — и не представляли собой социальноправовой категории. Баштинниками могли быть как свободные крестьяне, так и парики, а кроме того, и сами феодалы [см. об этом Ст. Новаковић. Пронижари и баштинници (спахије и читлук сахабије). Глас САН, I, 1887, стр. 1—102; Д. Ангелов. Аграрните отношения. . ., стр. 96]. П. Петров («Въстанието на Ивайло». ГСУ, Филос.-ист. фак-т, т. 49, I, 1955, стр. 200—202) считает «людие» общим обозначением для зависимых крестьян, включая и крепостных. А это, по мнению автора, означает, что число крепостных должно быть весьма значительным. Однако приведенный Петровым

(там же, стр. 200) текст Мрачской грамоты: *ѡн парци ѡ штрочи или теѡнтаре ѡн люне каковъ льво* (см. И. Иванов. Български старини. . ., стр. 592), отнюдь не доказывает правильности подобного утверждения. Из этого примера явствует только, что упомянутые в Мрачской грамоте «людие» не относятся ни к одной из перечисленных там категорий зависимого населения. Из всего сказанного видно перемены, которые претерпело содержание термина «людие» в связи с развитием феодальных отношений. В «Чуде св. Георгия» и в ЗСЛ «людие» означает свободных, непривилегированных крестьян, которые иногда противопоставляются государю и феодалам. В источниках XI—XII вв., а в особенности XIII—XIV вв., этот термин может означать и зависимых крестьян. Такое значение слово «людие» приобрело в Болгарии, вероятно, после того, как массы крестьян превратились в феодально-зависимых людей.

²⁶ См. прим. 7.

²⁷ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 65, S. 182.

²⁸ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия. . ., стр. 63.

²⁹ А. П. Каждан. Аграрные отношения. . ., стр. 74—76; ср. Д. Ангелов. Рост и структура крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в. ВВ, XI, 1956, стр. 158.

³⁰ См. G. Ostrogorski j. Quelques problèmes. . ., p. 18—74.

2. ПАРИКИ, ДУЛОПАРИКИ, ПРОСКАФИМЕНЫ, КЛИРИКИ

Государство предоставляло некоторым крупным землевладельцам право на владение определенным числом зависимых людей, которые полностью или частично освобождались от государственных повинностей, выполнявшихся отныне в пользу их нового феодального господина³¹. Эти люди становились париками последнего. «Париками» в византийских источниках называются зависимые крестьяне не только в Византии, но и на завоеванных землях Болгарии³².

Как свидетельствует первая грамота Василия II, Охридский архиепископ имел право владеть 40 клириками и 30 париками. В этой же грамоте говорится о пожаловании епископу Главиницы по 40 клириков и 40 париков³³.

Здесь следует подчеркнуть, что для некоторых епархий, например для Главиницы, охватившей три населенных пункта (Главиница, Канина и Неаниска), дается 40 париков, тогда как для самой архиепископии, для четырех населенных пунктов — лишь 30 париков. Возможно, это объясняется проводимой центральной властью политикой ограничения аппетитов крупных феодалов.

Эта политика, возможно, вызвала известное недовольство архиепископа. Не исключено, что он отправил по этому поводу особое прошение к императору. Поэтому, предоставляя своей второй грамотой от 1020 г. Видинскому епископу 40 клириков и 40 париков, Василий II одновременно увеличил число зависимых от Охридского архиепископа людей на 10 париков, чтобы у архиепископа было не меньше зависимых людей, чем у подчиненных ему епископов³⁴. Той же грамотой Василий II даровал Дристрскому епископу 40 клириков и 40 париков, так как «в царствование Петра эта епархия сияла архиепископским достоинством, а после этого архиепископия перемещалась с одного места на другое»³⁵. То же число (по 40 клириков и 40 париков) имели, согласно первой грамоте, и епископы Триадицы, Ниша, Белграда и Скопле.

Сравнительно большее число зависимых крестьян в епархиях, находившихся в северных и северо-западных районах бывшего Болгарского государства, может служить подтверждением той точки зрения, что в начале византийского господства уровень развития феодальных отношений в этих областях был сравнительно более высоким, чем в южных и юго-западных болгарских землях³⁶.

К сожалению, сведения этих грамот Василия II не очень подробны. Мы можем делать только предположения о происхождении и имущественном положении клириков и париков, а также об их повинностях в пользу

³¹ P. Lemerle. *Esquisse...*, p. 83—84.

³² В рассматриваемый период не было существенного различия в статусе париков в болгарских и в остальных областях империи. Поэтому здесь используются также некоторые сведения, которые не относятся к территории Болгарии. Термин *парикос* в приложении к болгарским землям встречается в первый раз в грамоте Василия II Охридской архиепископии от 1019 г. (И. Иванов. *Български старини...*, стр. 551). Позднее, в Виргинском хрисовуле, выданном Константином Асенем (1258—1277) монастырю св. Георгия Скопльского, употребляется соответствующий болгарский термин: *вса та мѣста парички сѣтѣ, рѣкѣже предалика* (И. Иванов. *Български старини...*, стр. 583; ср. И. Дуйчев. *Из старата българска книжнина*, II. София, 1943, стр. 38, 345). О значении термина *предалика* см. P. P. Panaitescu. *Urme feudale in vocabulacul limbii romine*, «*Studii și cercetări lingvistice*», t. 9, 1958, № 2, p. 160.

³³ См. И. Иванов. *Български старини...*, стр. 551.

³⁴ Там же, стр. 557—558.

³⁵ Там же, стр. 557.

³⁶ См. Г. Г. Л и т а в р и н. *Болгария и Византия...*, стр. 157—159.

церкви³⁷. Часть этих церковных людей жила в городах³⁸ и, вероятно, имела личное хозяйство.

Вопрос о характере поземельной собственности этих париков выяснен недостаточно хорошо. Одни исследователи полагают, что парики обладали наследственной собственностью³⁹, другие считают эту точку зрения несостоятельной⁴⁰. Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего уточнить значение термина «парик». Согласно некоторым сведениям, термин «парики» применялся для обозначения как владельцев собственности, так и безземельных крестьян (*ἀκτήμονες*), обрабатывавших господскую землю⁴¹. Парики подобного рода очень часто селились в феодальных имениях на положении проскафименов⁴², получая участок земли для обработки. Безземельные парики поселялись на землях феодалов на основе так называемого парического права (*παροικιακὸν δίκαιον*), согласно которому ранее безземельный парик, если он обрабатывал предоставленный ему участок в течение 30 лет, приобретал право владения на эту землю и не мог быть с нее согнан⁴³. Весьма характерными в этом отношении являются недостаточно изученные документы из архива монастыря Богородицы Милостивой. Наиболее ценное в этих документах то, что они дают историю 12 парических семей в течение полувека. Так, в 1085 г. Алексей Комнин подарил монастырю Богородицы Милостивой у Струмицы 500 модиев земли и пожаловал ему на эту землю и на тех, кто будет на ней поселен (*τῶν ἐν αὐτῇ προσκαθεζόμενων*), полную экскуссию⁴⁴. В хрисовуле 1106 г. число поселенных на монастырских землях париков и их имущественное положение были уточнены: «Царственность моя дарует монахам экскуссию на 12 париков, свободных и не уплачивающих налоги (*ἐλευθέρων καὶ ἀτελῶν*), которые не имеют собственных хозяйств и не вписаны в налоговые списки, чтобы они обрабатывали подаренную ранее монастырю землю в 500 модиев и служили (*δοουλεύουσι*) служащим в храме Богородицы монахам, не признавая никакого другого господина и будучи освобождены от всякого налога и любого обложения, а также от ангарии и эпирии»⁴⁵. Согласно первому хрисовулу, монастырю

³⁷ Сведения этих грамот, характеризующие рост монастырского землевладения, проанализированы С. Липевым («Някои данни за феодалните отношения в България през Х в.» ИИБИ, VI, 1956, стр. 413—414).

³⁸ На это обстоятельство до сих пор не обращалось достаточного внимания. Д. Ангелов («Аграрные отношения. . .», стр. 92) отмечает то же самое для XIII—XIV вв.

³⁹ Б. Панченко («Крестьянская собственность. . .», стр. 157, 191, 192, 212) считал, что парики в Византии даже в период развитого феодализма были мелкими свободными собственниками наследственных участков.

⁴⁰ Б. Т. Гор я н о в. Византийское крестьянство. . ., стр. 25.

⁴¹ Ст. Н о в а к о в и њ. Законски споменици српских држава средњега века. Београд, 1912, стр. 703, § VII: «Парики, которые обрабатывают свою землю, пусть не платят десятину, а те, которые обрабатывают церковную землю, пусть дают десятину».

⁴² Ср. о них Г. О с т р о г о р с к и й. Византийские писцовые книги. ВЗ, IX, 1948, 2, стр. 273—275; А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . ., стр. 134—135; Г. Г. Л и т а в р и н. Крестьянство. . ., стр. 234; е г о же. Болгария и Византия. . ., стр. 177 сл.

⁴³ Срок 30-летней давности (*praescriptio longi temporis*) играл важную роль как в римском, так и в византийском законодательстве. Например, по закону императора Анастасия I (491—518), аренда, которая продолжалась более 30 лет, становилась обязательной для обеих сторон: колон не мог оставить обрабатываемый им участок, а землевладелец не имел права согнать колону с земли (см. Ив. Д у й ч е в. Одна из особенностей ранневизантийских мирных договоров. ВВ, XV, 1959, стр. 68; ср. Ф. У с п е н с к и й, В. Б е н е ш е в и ч. Вазелонские акты. Л., 1927, стр. XXXI; В. А. Моѡиn. Δουλικὸν ζευγάριον. «Annales de l'Institut Kondakov», X, 1938, p. 116—117).

⁴⁴ ИРАИК, VI, вып. 1, p. 27.13—26.

⁴⁵ Там же, p. 29, 10—15, ср. p. 28.

предоставлялось право вообще селить на монастырской земле людей, которые должны быть освобождены от государственных налогов. Как и происходило в подобных случаях, через известное время последовал второй хрисовул, определявший точнее число монастырских людей, а также налоги и повинности, от которых они освобождались⁴⁶. Имена этих париков (или их наследников) сохранились в еще более позднем хрисовуле, изданном для того же монастыря от имени императора Мануила Комнина в 1152 г. В хрисовуле говорится, что эти 12 париков превратились из актимонов в зевгаратов⁴⁷. Имена некоторых из них (Михаил Скопиот, т. е. из Скопле, Велин Овчеполит, т. е. из Овче Поля, Стефан Серриот, т. е. из Серр) показывают, что они были пришельцами, поселившимися на монастырских землях. Некоторые из подаренных монастырю в 1106 г. париков затем умерли, поэтому в хрисовуле в таких случаях упоминаются их сыновья и зятья. В монастырской практике 1152 г. сохранилась, однако, графа об имущественном состоянии каждого из них (στίχος), в которой они записаны как парики-зевгараты.

Тем же хрисовулом 1152 г. император Мануил Комнин дал для этих 12 семей зевгаратов заброшенную землю площадью в 1000 модиев⁴⁸.

В приведенных здесь данных статус зависимых от монастыря крестьян представлен следующим образом: в силу первого хрисовула 1085 г. монастырь получил только 500 модиев государственной земли и право селить на них париков (их число не определялось). Монастырь, воспользовавшись данным правом, поселил известное число париков на своей земле, что было утверждено хрисовулом 1106 г., который уточнил число зависимых от монастыря людей (12 париков вместе с их семьями). Эти парики не имели собственной земли и не подлежали обложению государственными налогами. Они обрабатывали подаренную монастырю землю и пользовались доходами с нее. В течение 46 лет эти 12 семей париков обрабатывали упомянутые 500 модиев земли и превратились, таким образом, из париков-актимонов в париков-зевгаратов. Эта перемена в их положении не была, однако, отражена в налоговых списках, так как измерение и опись земель в присоединенных к Византии болгарских районах не были осуществлены

⁴⁶ Тем же хрисовулом 1106 г. монастырским людям была дана эксхуссия на 6 упряжек рабочего скота, 150 овец, 40 быков и коров и 10 лошадей (ИРАИК, VI, вып. 1, р. 29.15—29). Неприемлемой представляется точка зрения В. Мошина (op. cit., p. 127—128), считающего, что выражение *δουλικὸν ζευγάριον* означает крепостных рабов. Слово *δουλικός* (рабочий) противопоставляется здесь понятию *ἀγέλαδος* (пасущийся скот) (ср. L. Petit. Turicon Rascriani. ВВ, XI, 1904. Приложение № 1, р. 548).

⁴⁷ ИРАИК, VI, вып. 1, р. 38.10—24: «Затем, когда мы изучали сохранившийся в монастыре практик передачи этих 12 париков-актимонов и когда мы переписали их в присутствии тех, которые нас сопровождали, мы удостоверились, что они стали зевгаратами, а именно: Лазарь или Черно, его зять, — зевгарат; Георгий или Роман, его сын, — зевгарат; Вяли — зевгарат; Иван, зять Славота Малечина, — зевгарат; Симеон Рулиниот — зевгарат; Константин, сын Иоанникия, — зевгарат. . . Георгий Серб — зевгарат; Стефан Серриот — зевгарат; Василий Ромей — зевгарат; Михаил Скопиот — зевгарат; Михаил Малечин или Черно, его зять, — зевгарат, и Велин Овчеполит или Вялин, его сын, — зевгарат».

⁴⁸ ИРАИК, VI, вып. 1, р. 39.9—25: «Так как, согласно императорскому распоряжению, должны были быть переданы (монастырю. — Г. Ц.) эти 12 зевгаратных париков, а количество модиев (земли), которые нужно было передать на каждого из них, не было определено, и так как недостает земли (для монастыря) в болгарских фемах и не существует измерения земли, то мы, используя в качестве основания и повода изданное ранее для монастыря императорское распоряжение о даровании ему 500 модиев земли и предоставлении ему для обработки ее 6 пар рабочего скота, как об этом говорит и сама императорская дарственная грамота (*δωρεάν*) (врученная нами вместе с просьбой игумена), поясняющая, что 500 модиев обрабатываются 6 парами рабочего скота, и считая, что эти императорские и священные дарения не подлежат никакому [последующему] измерению и свободны от всякого другого вмешательства, сочли необходимым начислить вместе с передаваемыми монастырю 12 зевгаратными париками земли в размере 1000 модиев» (курсив мой. — Г. Ц.)

так же тщательно, как в остальных областях империи ⁴⁹. Иными словами, 12 парических семей в силу обычного права превратились из актимонов в зевгаратов ⁵⁰. Но они не имели особых граф в налоговой описи монастыря с точным обозначением их имущественного состояния, как это обычно делалось в любом налоговом округе. Поэтому игумен монастыря подал прошение (*ὑπόμνησιν*) на имя императора. В нем ясно говорилось, что эти парики стали зевгаратами, и высказывалась просьба, чтобы они были официально утверждены в положении париков-зевгаратов, будучи внесены в опись монастыря и избавлены от налогов. Это прошение, вместе с которым, очевидно, была представлена предыдущая дарственная грамота (Алексея Комнина), содержало, вероятно, просьбу о дарении новых земель. В ответ на это 12 парическим семьям была предоставлена новая, заброшенная и запустевшая земля площадью в 1000 модиев, от которой государство не получало доходов ⁵¹. Но поскольку эта вновь подаренная земля содержала, по всей вероятности, более обычных 10% непригодной для обработки площади (леса, холмы, реки и пр.), количество годной для обработки земли составило только 749 модиев ⁵², поэтому тем же хрисовулом монастырю передавалось еще 100 модиев заброшенной земли, так что по хрисовулу 1152 г. эти 12 парических семейств становились владельцами 849 модиев обрабатываемой земли. Иначе говоря, надел каждого хозяйства составил около 70 модиев. Как уже выше указывалось, этим же 12 семействам были предоставлены для обработки ранее подаренные монастырю 500 модиев земли, т. е. приблизительно по 41,5 модия на семью. Взрослые сыновья и зятья в большинстве из них продолжали жить вместе с родителями ⁵³; для пропитания такой большой семьи требовалось и большее количество земли. Отныне каждая из этих семей получила право на владение наделом, равным примерно 112 модиям земли. С превращением этих париков из актимонов в зевгаратов они получили известные права распоряжения своей землей ⁵⁴. Имеются сведения, что дети этих париков наследовали права своих отцов на эти участки. Документом от мая 1156 г. этому монастырю предоставлялось право владеть тем же числом париков: «После их смерти они должны быть заменены их детьми. Если некоторые из этих данных вам [париков] имеют сыновей, которые не хотят быть самостоятельными и даже не имеют собственного имущества, а живут со своими родителями, царственность моя соизволяет им не отделяться от своих родителей». Отсюда ясно следует, что наследники этих 12 париков могли, если хотели, оставаться при родителях и обраба-

⁴⁹ В таком смысле следует понимать это сообщение об измерении земли в «болгарских фемах» (ИРАИК, VI, вып. 1, р. 39). Вопрос о точном значении этого сообщения ставит также Г. Г. Литаврин («Болгария и Византия. . .», стр. 108).

⁵⁰ ИРАИК, VI, вып. 1, р. 36. 10—11; ср. там же, р. 39.17.

⁵¹ ИРАИК, VI, вып. 1, р. 39. 14—26: «Как основанием и поводом мы воспользовались выданным ранее монастырю императорским распоряжением о дарении земли в 500 модиев и о предоставлении ему шести упряжек волов для ее обработки. Так как нам было вручено это самое императорское дарение, которое включало в себя и записку игумена (*ὑπόμνησιν*), удостоверяющую, что 500 модиев земли обрабатываются шестью упряжками волов, а так как мы считали эти священные императорские дары превыше всякого землемерного искусства и последующего определения, мы нашли необходимым начислить и передать ныне для 12 париков-зевгаратов монастыря землю в 1000 модиев. Итак, мы нашли запустевшее место близ переданной указанному монастырю и находящейся в его владении земли; графы [ее собственники] были вычеркнуты много лет назад».

⁵² ИРАИК, VI, вып. 1, р. 44, 9. Об этой площади говорится, что «земли» в ее составе было совершенно недостаточно (ИРАИК, VI, вып. 1, р. 44, 10—11: *ἐπὶ κατὰ πολὺ ὑστέρουσα ἢ τῆ μονῆ διαφέρουσα γῆ τοῦ ποσῶ αὐτῆς*).

⁵³ ИРАИК, VI, вып. 1, р. 38, 13—14.

⁵⁴ Много сведений о наследовании париками из стасей в XIII—XIV вв. приводит А. П. Каждан («Аграрные отношения. . .», стр. 111—112).

тывать данный их отцам участок, а после смерти отца могли ему наследовать. Парики, прожившие в имении феодала более 30 лет, получали владельческие права на обрабатываемый ими участок и не могли быть согнаны.

Относительно прав париков на их землю существуют значительные разногласия. Крайне противоположных точек зрения придерживались русские дореволюционные ученые Б. Панченко и Ф. Успенский. Первый считал, что парики были полноправными собственниками и могли свободно продавать свой участок⁵⁵. Второй придерживался мнения, что парик не имел права ни продавать, ни отчуждать, ни добровольно покидать свой участок⁵⁶. Последнюю точку зрения поддерживают некоторые современные исследователи, считающие, что парики были неполноправными и не могли сами заключать различного рода сделки⁵⁷. Для окончательного решения этого вопроса необходимо учитывать характер поземельной собственности различных категорий париков. Например, так называемые парики-проскафимены, не имевшие земли и поселившиеся на территории феодального владения, чтобы обработать господскую землю, не имели права продавать свои участки. Постановления, запрещающие такого рода продажу⁵⁸, показывают, что на практике они совершались, хотя и не имели законной силы. Парики же, которые владели землей, полученной по наследству или купленной, имели право продавать ее при условии, чтобы новый держатель уплачивал феодалу причитающуюся ему ренту⁵⁹. Сведения о париках могленского епископа показывают, что парики могли в известных случаях самостоятельно заключать сделки.

Ошибочность выводов Б. Панченко проистекает из того, что он приписал права париков, имеющих собственное держание, всем парикам вообще. Ф. Успенский же, рассматривая положение только безземельных и закрепощенных париков, распространил свои выводы и на другие категории париков.

Поселившийся на господской земле парик становится ее наследственным владельцем только после того, как он обрабатывал ее в течение 30 лет. Таким образом проявлялся дуалистичный характер собственности при феодализме⁶⁰. Рассматривая феодала как собственника земли, феодальная традиция вместе с тем признавала и владельческие права крестьянина.

Не менее спорным является вопрос относительно личной зависимости париков. В последнее время не раз высказывалось предположение, что крепостная зависимость на балканских землях стала оформляться в XI—XII вв., особенно в конце XII в.⁶¹. Появление крепостной зависимости

⁵⁵ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность. . . , стр. 157—149.

⁵⁶ Ф. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии, ЖМНП, ч. 225, 1883, стр. 304.

⁵⁷ Б. Т. Горянов («Византийское крестьянство. . . », стр. 205) и П. Тивчев («Към въпроса за селското население. . . », стр. 515) указывают на документ, свидетельствующий, что стратиготы заключали с монастырем Лавры договор об аренде земли, которая должна использоваться только их париками (Лавга, № 57, р. 161). Интересно в этом отношении и сообщение о двух париках могленского епископа, которые, не довольствуясь землей, полученной от епископа, арендовали также землю у Лавры, т. е. у чужого феодала. (Лавга, № 45. 10, р. 122).

⁵⁸ Ф. Успенский, В. Бенешевич. Вазелонские акты, стр. XXXV: «Поселившиеся на территории епископства в качестве париков не могут продавать свои участки, даже если они их и застроили».

⁵⁹ Ср. Д. Ангелов. Аграрные отношения. . . , стр. 76.

⁶⁰ «. . . Всякая средневековая форма права, — говорит К. Маркс, — а следовательно, и собственность, была во всех отношениях смешанной, дуалистической, двойственно й. . . » (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 129).

⁶¹ А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии в X в. ВВ, XI, 1956, стр. 111—112; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия. . . , стр. 197.

справедливо ставится в связь с усилением иммунитета и вообще финансово-административных прав в отношении парика ⁶².

Формы и степень личной зависимости парика определялись его имущественным положением и способами вовлечения в феодальную зависимость. Наиболее мягкой была зависимость париков, переданных феодалу по хрисовулу вместе с их стасями, на которые они до этого имели право собственности. Таким было, например, положение париков и клириков Охридской архиепископии после 1019 г. ⁶³, а затем — париков Феофилакта Охридского, во власти которого оказались целые села ⁶⁴. Аналогичным был статус париков в обширных владениях Бакуриани, получившего в награду за свои многочисленные заслуги целые села и крепости в области Филиппополя и Мосинополя ⁶⁵. Все эти парики обладали владельческими правами на свои сташи, могли их продавать и завещать; единственное ограничение заключалось в том, что новый держатель должен был и впредь уплачивать феодальную ренту. Следовательно, эти парики могли покидать свои владения и селиться в другом месте без разрешения феодала.

Большую часть париков составляли крестьяне. Они жили в селах или на землях, предоставленных им для поселения феодалом. Другие парики жили в городах. Феофилакт сообщает, что его парик (Лазарь) был даже помощником сборщиков податей и таким образом добывал себе пропитание. Он носил лучшую одежду, как это и подобало человеку, занимающемуся подобного рода деятельностью (*τῆς αὐτοῦ τέχνης*), а также пользовался и другими преимуществами (*τὰς ἄλλας δεξιότητες*) ⁶⁶. И все же к Лазарю его феодал относится явно пренебрежительно. В словах Феофилакта звучит как бы предупреждение Лазарю не забывать, что он парик и что ему не приличествует носить хорошую одежду. Естественно, что Лазарь и старался освободиться от ярма парикии ⁶⁷.

Сообщая в своем типике о создании гостиницы в Станимаке, Бакуриани повелевает, чтобы парик, который выделен для работы в этой гостинице, был освобожден от всех повинностей, которые несут остальные парики этого села, и чтобы он «получал, как и остальная братия монастыря, причитающуюся ему плату, подобно брату третьего разряда» ⁶⁸. В этом же типике сообщается, что монахи третьего разряда получали по 10 номисм в год ⁶⁹. Столько же получал, следовательно, и парик, который служил в гостинице в Станимаке ⁷⁰. Это известие, хотя и единичное в своем роде для данного периода, проливает некоторый свет на положение париков в эпоху раннего феодализма. Конечно, не все парики получали содержание за выполняемую ими феодальную службу. По-видимому, его получали только те из них, которые работали на феодала продолжительное время подобно парику в Станимаке.

⁶² Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия. . ., стр. 198—199.

⁶³ И. Иванов. Български старини. . ., стр. 550 и сл.

⁶⁴ PG, t. 126, col. 424A, 432CD, 449C.

⁶⁵ L. Petit. Turicon Pacuriani, p. 10. 54—56.

⁶⁶ PG, t. 126, col. 456C. Текст не позволяет заключить с достоверностью, занимался ли Лазарь определенным видом ремесла или же *τέχνη* употреблено здесь в общем смысле. Несомненно, однако, что Лазарь или вовсе не занимался земледелием, или во всяком случае выполнял не только полевые работы. То обстоятельство, что он имел и другие преимущества и знаки отличия, позволяет предположить, что он исполнял специальные поручения сборщиков подати при исчислении и сборе налогов.

⁶⁷ PG, t. 126, col. 444A.

⁶⁸ L. Petit. Turicon Pacuriani, p. 48. 18—20.

⁶⁹ Ibid., p. 26. 26—27; ср. Г. Г. Литаврин. Крестьянство. . ., стр. 248.

⁷⁰ Д. Ангелов («Аграрните отношения. . .», стр. 160—161) установил, что некоторые категории зависимых крестьян Македонии XIV в. также получали месячную или годовую плату в натуре или деньгами.

Положение париков, живущих в городах, было лучше, чем положение париков, живущих в селах или непосредственно в имении феодала. Городские парики, очевидно, не были обязаны обрабатывать земли феодала. Они уплачивали только централизованную ренту — налог, который раньше присваивался государством, а феодальная зависимость политически и экономически могла быть в подобных случаях не тяжелее той, в которой находились все подданные по отношению к этому государству ⁷¹.

Церковные и монастырские парики обычно именуются в источниках клириками или клирикопариками ⁷². Некоторые исследователи полагают, что этот термин обозначает крестьян, независимых от церкви или монастыря ⁷³. Каково же действительно значение термина клирик и в чем отличие данной категории населения от остальных церковных париков? Для ответа на этот вопрос необходимо иметь в виду, что в некоторых источниках не соблюдается строгой последовательности в употреблении терминов, обозначающих различные категории населения. Так, например, в грамоте Василия II от 1019 г. говорится, что Охридскому архиепископу дарятся 40 клириков и 30 париков, епископу Костура — также 40 клириков и 30 париков. Далее, однако, в той же грамоте сказано, что все эти клирики освобождаются от икомодия и других эпирий, как они были освобождены и при Самуиле ⁷⁴. Очевидно, в первом случае под «клириками» подразумевается специальная категория, а во втором случае этот термин употребляется в значении зависимого населения вообще.

Феофилакт называет церковных париков то *κληρικοί* ⁷⁵, то *ἄνθρωποι τῆς ἐκκλησίας* ⁷⁶, то *ἱερεῖς* ⁷⁷. Среди зависимых от церкви людей были, по его собственным словам, как монахи и другие лица духовного звания, так и миряне ⁷⁸. Он негодует, что их облагают более высокими налогами, чем свободных крестьян ⁷⁹. Сопоставив эти данные со сведениями о клириках и париках в первой грамоте Василия II, можно было бы допустить, что клириками здесь названы лица, имеющие духовное звание, а париками — миряне. Однако в эксклюзивной формуле первой грамоты термином «клирики» обозначено все зависимое от церкви население. Следовательно, клирики — не есть особая категория зависимого населения; их социально-правовое положение таково же, что и положение париков.

В более тяжелых условиях находились безземельные, лишённые всяких средств производства *ἀκτήμονες*, *πτωχοί*, *ἄποροι*, «свободные от обложения», «неплатежные», «неизвестные казне» ⁸⁰. Владения некоторых из них превращались в *κλίσματα* и вычеркивались из налоговых списков. Однако не всегда безземельные (*ἀκτήμονες*) были освобождены от всех налогов. Некоторые актимоны платили налог, хотя и в несколько раз меньший, чем крестьяне, имеющие землю ⁸¹. Очевидно, эти актимоны еще не потеряли полностью связей с сельской общиной. Обедневшие крестьяне

⁷¹ К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1950, стр. 804.

⁷² См. новеллу Алексея Комнина от 1086 г. (Jus, I, p. 314).

⁷³ Ср. Ф. Успенский. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 35; М. Андреев, Д. Ангелов. История на българската държава и право. София, 1959, стр. 168.

⁷⁴ Й. Иванов. Български старини... стр. 550—555.

⁷⁵ PG, t. 126, col. 448D; ср. *ibid.*, col. 449D—452A. Клириками Феофилакт называет в этих письмах париков церкви, а мирянами — свободных крестьян.

⁷⁶ PG, t. 126, col. 448D.

⁷⁷ *Ibid.*, col. 516D. В данном месте речь идет об определенной категории зависимых крестьян — клириках Полога. Ср. *ibid.*, col. 517A.

⁷⁸ *Ibid.*, col. 448D. Ср. прим. 73.

⁷⁹ Ср. Г. Г. Литаврин. Крестьянство... стр. 240.

⁸⁰ См. Т. Тарановски. Историја српског права у Немањинској држави, т. I. Београд, 1931, стр. 62—65.

⁸¹ F. Dölgel. Aus den Schatzkammern... № 65; ср. стр. 7.

селились на землях феодалов и получали участок для обработки⁸². Таковыми крестьянами были, например, 12 париков монастыря Богородицы Милостивой, у которых после поселения на монастырской земле не было никакого другого господина⁸³. Это означает только, что данные крестьяне полностью изымались из компетенции государственных властей и становились зависимыми лишь от своего феодала. К сожалению, о степени этой зависимости упомянутые выше хрисовулы 1085, 1106 и 1152 гг. не говорят достаточно ясно. Из распоряжения 1156 г. следует, что взрослые сыновья париков-зевгаратов имели право или остаться со своими отцами во владении монастыря, или же отделиться и иметь самостоятельное хозяйство. Эта свобода выбора была скорее правом, чем обязанностью. Она показывает, что парики-зевгараты не были прикреплены к земле, что их положение было лучше, чем положение свободных безземельных крестьян. В хрисовуле императора Никифора Вотаниата монастырю Лавры от 1079 г. говорится о пожаловании монастырю 100 париков и 100 дулопариков⁸⁴. Число последних в случае их смерти должно было восполняться их детьми и внуками. Можно предположить, что разница в положении париков и дулопариков определялась их имущественным состоянием. Парики перешли под власть монастыря со всей своей землей и всем имуществом, тогда как дулопарики были, вероятно, безземельными и обрабатывали монастырскую землю на парическом праве. Указание на пополнение числа париков их детьми может рассматриваться, с одной стороны, как обязанность их сыновей оставаться на монастырских землях, чтобы монастырь не испытывал недостатка в рабочих руках, а с другой стороны, как отсутствие у монастыря права сгонять их с земли, на которой они выросли и которую их отцы обрабатывали долгие годы. Известные указания на закрепощение безземельных и свободных от налогового обложения крестьян содержатся в «Стратегиконе» Кекавмена. Говоря о положении элевтеров, Кекавмен сообщает: «Если можешь, облагодетельствуй элевтеров, которые у тебя работают, и если они пожелают, после того как будут облагодетельствованы тобой, тебя покинуть, не задерживай их насильно, так как это несправедливо»⁸⁵.

Под «облагодетельствованием», вероятно, подразумевается наделение элевтеров землей (*beneficium*)⁸⁶. То, что они часто хотели оставить участок и бежать, свидетельствует, что им обычно предоставлялись худшие и заброшенные земли. Несомненно, бывали случаи и насильственного закрепощения, и нередко то, что не разрешалось законом, превращалось в норму обычного права⁸⁷.

Этот вывод подтверждается свидетельством Михаила Пселла. В письме к судье фемы Волерон он жалуется, что с земель отданного ему в качестве характеристики монастыря, расположенного в неплодородной местности

⁸² Ср. Г. Г. Литаврин. Крестьянство. . . , стр. 232—233; е г о ж е. Болгария и Византия. . . , стр. 181; см. Д. А н г е л о в. Аграрные отношения. . . , стр. 181.

⁸³ ИРАИК, VI, вып. 1, р. 29.

⁸⁴ См. Lavra, № 31.25, р. 83.

⁸⁵ Ср. S e s a u m e n i Strategicon, p. 49. 30—13; ср. p. 65.4—5.

⁸⁶ D u C a n g e. Glossarium mediae et infimae graecitatis, p. 445, s. v. εὐεργέτημα: Beneficium ecclesiasticum apud graecum interpretem Consilii Lateranensis, an. 1215, cap. 25, 29, 30, 31. Подобное толкование εὐεργέτημα в смысле бенефиция (пожалованного участка земли) содержится и в толковании Вальсамона — Зонары к канонам соборов (PG, t. 137, col. 273 BC: βενεφικιον λέγεται κατὰ Λατίνους πᾶν δῶρημα καὶ εὐεργέτημα; ср. col. 276 AB, где проводится различие между денежным даром и бенефицием: διὰ δὲ τῶν ἀργυρίων δηλοῦται τὰ χρήματα, διὰ δὲ τῶν βενεφικίων ἅπαν εἶδος χαρίτος καὶ δεξιώσεως). Ср. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия. . . , стр. 154—155, 178, прим. 16.

⁸⁷ Ср. Г. Цанкова-Петкова. Югозападните български земи. . . , стр. 604; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия. . . , стр. 177—179.

Добросонд, он не получил зерна, а поселенные там парики испытывают страшный голод⁸⁸. В другом письме Пселл просит представителя власти приостановить выселение париков с земель монастырей, отданных в качестве харистикия его приятелю⁸⁹.

Эти скудные свидетельства о закреплении париков в рассматриваемый период позволяют сделать вывод, что крепостная зависимость во время византийского владычества не получила еще широкого распространения. Закрепление было еще спорадичным явлением. Закрепленными в отдельных случаях оказывались лишь безземельные и лишенные средств производства крестьяне, обрабатывавшие господскую землю. Однако и это имело место только в отдельных случаях. Административно-судебный иммунитет находился еще в процессе формирования. Чтобы помешать выселению париков, феодал должен был прибегать к содействию органов центральной власти, так как не располагал еще достаточно сильным собственным аппаратом принуждения⁹⁰.

Бегство крестьян из владений феодала и проявляющиеся в связи с этим попытки их закрепления отражали бедственное положение зависимого населения. Там, где феодальное хозяйство было лучше организовано, где поселившийся крестьянин получал, кроме земли, еще и рабочий скот и земледельческий инвентарь, как это, по-видимому, имело место во владениях крупных монастырей — Лавры, Бачкова монастыря и др. — о бегстве крестьян нет сведений. Крестьяне, вероятно, предпочитали оставаться на своих землях и сохранять их для своих наследников. Разумеется, им часто передавались запустевшие и заброшенные земли, однако их участки были довольно значительных размеров (от 40 до 110 модиев) и вполне достаточными для пропитания даже многочисленных семей. Бежали обычно парики, получившие от феодалов землю на тяжелых условиях, в совершенно диких и неплодородных местах. Большое распространение закрепление получило в конце XII в., как об этом свидетельствует хрисовул Стефана Первовенчанного Хиландарскому монастырю от 1199 г., предписывающий возвращать беглых монастырских крестьян⁹¹.

Сведения о повинностях париков в XI—XII вв. на территории Болгарии нельзя назвать достаточно многочисленными и конкретными. В первой грамоте Василия II для Охридской архиепископии указывается число клириков и париков, обязанных работать в пользу церкви в каждой епархии⁹². Феофилакт Охридский в письме к великому домашнику Адриану жаловался, что у него пытаются отнять село близ Охрида, которое он приобрел, надеясь использовать труд населяющих деревню париков⁹³. В хрисовуле Алексея Комнина для монастыря Богородицы Милостивой подчеркивается, что монастырские парики должны обрабатывать монастырские земли и служить монахам⁹⁴. Следовательно, помимо обработки участков, полученных в личное пользование, парики монастыря должны были выполнять для монахов какие-то другие работы. К сожалению, сведения об этих работах носят слишком общий характер.

⁸⁸ Michael Psellus. Scripta minora, II. Milano, 1941, p. 118. Ср. В. Тъкова-Займова. Сведения за харистикия в нашите земи. ИИБИ, V, 1954, стр. 385—389.

⁸⁹ C. N. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, V. Venetia—Paris, 1876, p. 381. 1—7.

⁹⁰ Ср. Г. Цанкова-Петкова. Феодалното земевладение в южните и югозападните български земи под византийско владичество. «Известия на Института за история», 8, 1960, стр. 301—302.

⁹¹ Actes de Chilandar. ВВ, XIX, 1915, № 3. 69—72; ср. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия. . . , стр. 200—201.

⁹² И. Иванов. Български старини. . . , стр. 550.

⁹³ PG, t. 126, col. 424 A: διὰ τὴν παροικιακὴν δουλειαν.

⁹⁴ ИРАИК, VI, вып. 1, p. 29, 12—13.

Как уже говорилось, в типике Бакуриани упоминается парик, который был освобожден от всех работ и служб (*ἐκπρεΐας καὶ δουλείας*), выполняемых жителями зависимого села Станимак, но зато должен был трудиться при гостинице (молоть зерно, носить дрова и воду, топить печи, готовить пищу и т. д.) и оказывать разные услуги путникам⁹⁵. Далее в той же главе перечисляются обязанности парика, который должен был заботиться о гостинице Мармарий в селе Правикий. Этот парик также освобождался от всех обязанностей, выполняемых его односельчанами, с тем чтобы он мог нести соответствующую службу (*ὀππρεΐσαν*) при гостинице⁹⁶. Такой же парик был при гостинице «Свети Никола» в селе Прилонки⁹⁷.

Таким образом, парики, жившие во владениях феодала, выполняли ряд повинностей в его пользу. Основной обязанностью париков была обработка господской земли. Кроме того, они выполняли различные работы по обслуживанию, ухаживали за скотом феодала, доставляли для него необходимые припасы, охраняли урожай и т. д.⁹⁸ Однако точных данных о размерах парических повинностей у нас нет. Эти повинности регламентировались обычным правом. В типике Атталиата для основанного им монастыря предписывается не обременять париков и мистиев большими службами (*δουλείαι*) и поборами (*πάκτων*), чем те, которыми они были обязаны в пользу самого Атталиата⁹⁹. Бакуриани подчеркивает как свою заслугу тот факт, что он строил церкви и монастыри на собственные средства, а не при помощи ангарии и чрезмерного обременения своих париков¹⁰⁰. Это означает, что наряду с постоянными, закрепленными обычным правом повинностями феодалы по своему желанию нередко принуждали своих париков к чрезвычайным отработкам и взносам.

Итак, положение париков не было одинаковым в различных феодальных владениях. Оно зависело прежде всего от имущественного состояния париков, от размеров и качества земли, которую они обрабатывали, и от масштабов и видов повинностей, которые они несли в пользу феодалов.

Снабженные землей парики богатых монастырей находились не в худшем положении, чем свободные крестьяне. Как отмечалось выше, землями монастыря Богородицы Милостивой были окружены 12 участков девяти свободных крестьян общей площадью в 166 модиев. Следовательно, один участок включал примерно 10—15 модиев. Правда, свободные крестьяне могли иметь по несколько таких участков. Но и наделы 12 зависимых париков-зевгаратов того же монастыря были значительными, достигая 112 модиев каждый. Из-за недостатка данных мы не можем сделать обобщающих выводов относительно имущественного положения всего зависимого крестьянства. Приведенное нами соотношение необходимо сопоставить с другими фактами этого рода¹⁰¹.

⁹⁵ L. Petit. *Typicon Pscuriani*, p. 48. 11—16.

⁹⁶ *Ibid.*, p. 49. 5—7.

⁹⁷ *Ibid.*, p. 49. 11—13.

⁹⁸ Теофилакт, например, жалуется, что его люди привлекаются чиновниками к несению стражи (*παρρηγιάν*) и замешиванию хлеба (*φωροζητίας*). Очевидно, Теофилакт добивался, чтобы эти люди исполняли подобного рода повинности в пользу церкви. Несение повинностей для монастыря засвидетельствовано в более поздних источниках (см. А. П. К а ж д а н. *Аграрные отношения...*, стр. 132; Д. А н г е л о в. *Аграрные отношения...*, стр. 105—106).

⁹⁹ C. N. Sathas. *Bibliotheca graeca*, I, p. 39.

¹⁰⁰ L. Petit. *Typicon Pscuriani*, p. 9. 28—30.

¹⁰¹ См. А. П. К а ж д а н. *Византийское сельское поселение*. ВВ, II, 1949, стр. 223, где приводятся многочисленные данные о размерах стасей отдельных париков.

3. МИСТИИ И РАБЫ

Свободные от налогов и потерявшие связь с сельской общиной лица упоминаются иногда в источниках наряду с рабами. В ЗСЛ термином «свободники» обозначаются лица, в социально-правовом отношении близкие к рабам¹⁰². Есть известное основание предполагать, что термин «свободники» соответствовал латинскому *libertini* (вольноотпущенники) и частично — греческому *ἐλεύθεροι*. В «Стратегиконе» Кекавмена элевтеры всегда упоминаются вместе с рабами. Те и другие жили, вероятно, в сходных условиях; в случае войны или восстания они принимали участие в феодальном ополчении¹⁰³.

Из среды разорившегося крестьянства происходили и так называемые мистии, работавшие во владении феодала за плату (*μισθός*). В ЗСЛ встречается слово «мзда», обозначающее «годовую плату», и термин **МЪЗДЪНИК**, обозначающий того, кто работает за плату¹⁰⁴. Возможно, «МЪЗДЪНИК» является переводом византийского термина «мистий». Вознаграждение мистиев было довольно скудным. В ЗСЛ говорится, что военнопленный, желавший освободиться, должен был проработать в качестве мзденника несколько лет, получая годовую плату, равную трем сталензам, т. е. трем номисмам¹⁰⁵. Плата мистия нередко была недостаточной даже для его прокормления. Михаил Атталиат сообщает, что в 1074 г., в период существования монополии на зерновые продукты в Родосто, лица, работавшие за плату (*μισθαρροβύτες*), добивались ее увеличения из-за резкого вздорожания продуктов^{105а}. В типике Бакуриани говорится о мистиях, работавших в пользу монастыря вместе с париками¹⁰⁶.

К мистиям и элевтерам были близки так называемые антропы (*ἄνθρωποι*). Они жили в имении феодала и работали как наемные работники¹⁰⁷, получая содержание деньгами¹⁰⁸ и натурой¹⁰⁹ и составляя вместе с рабами челядь феодала.

Возможно, что отроки, упоминаемые в некоторых болгарских источниках, идентичны элевтерам или весьма близки к ним¹¹⁰. О положении отроков в период развитого феодализма имеется много данных. Известно, что они подвергались тяжелой эксплуатации и их положение приближалось к положению рабов¹¹¹. Некоторые исследователи отождествляют их с дулопариками¹¹². К той же категории населения принадлежали *πένυτες* и *πτωχοί* византийских источников¹¹³ и, соответственно, «убо-

¹⁰² В. Ганев. Законъ Соудный Людьмъ, стр. 470. Из текста Закона следует, что свободник мог быть свидетелем наряду с рабом. По мнению В. Ганева (ук. соч., стр. 476), в ЗСЛ отразились более мягкие формы рабства, которые переняли славяне.

¹⁰³ Сесаумени Strategicon, p. 49. 30—33.

¹⁰⁴ В. Ганев. Ук. соч., стр. 486.

¹⁰⁵ Там же.

^{105а} Michaelis Attaleiotaе Historia. Bonnae, p. 204. 5—6; ср. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. ВВ, X, 1956, стр. 89.

¹⁰⁶ L. Petit. Typicon Pacuriani, p. 42. 4.

¹⁰⁷ Сесаумени Strategicon, p. 36. 25—30; 38.5; 40.5, 9, 17; 41.2; 64.20—22.

¹⁰⁸ Ibid., p. 40.9.

¹⁰⁹ Ibid., p. 36.26—30.

¹¹⁰ Й. Иванов. Болгарски старини. . . , стр. 415. От слова «отрок» происходит, вероятно, термин *ὄτρωςίνα*, обозначающий налог. Он встречается в одной из рукописей писем Феофилакта (см. A. Leroy-Molinghen. Trois mots slaves dans les lettres de Théophylacte de Bulgarie. «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientale et Slave», 6, 1938, p. 117; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия. . . , стр. 189, 325).

¹¹¹ А. Бурмов. Зависимото население. . . , стр. 261; Д. Ангелов. Аграрните отношения. . . , стр. 108—112; П. Петров. Въстанието на Ивайло, стр. 203.

¹¹² A. Leroy-Molinghen. Op. cit., p. 117; Г. Г. Литаврин. Крестьянство. . . , стр. 237.

¹¹³ Сесаумени Strategicon, p. 51. 16—19; 103. 24—27.

гие» и «нищие» — болгарских ¹¹⁴. Некоторые из этих обедневших крестьян арендовали землю, другие работали за плату в эргастриях ¹¹⁵, третьи нищенствовали ¹¹⁶.

Общераспространенной является точка зрения, что существовавшее у славян патриархальное рабство постепенно изживалось после образования Болгарского государства. Частично сохранявшееся в течение нескольких веков рабство ¹¹⁷ не было основой производственных отношений. В VI—VIII вв. славяне и протоболгары поселились на византийской территории, имевшей свои традиции и институты. Рабовладельческий строй в Восточной Римской империи находился на стадии разложения, но его пережитки продолжали существовать и в период формирования феодальных отношений в Византии. Институты рабовладения сохранялись также в Болгарском государстве, где феодализм развивался несколько медленней, чем в Византии.

Не случайно, что наибольшее количество сведений о рабстве в Болгарии и о рабах-болгарах сохранилось от времени Первого Болгарского царства ¹¹⁸ и от периода византийского господства. Основным источником пополнения рабов была война. Во время походов в Фессалию Самуил обратил многих жителей завоеванных областей в рабство. В похвальном слове Фотия Фессалийского, которое обычно относят к началу правления Самуила, говорится, что завоеванное население было или захвачено в плен, или беспощадно перебито мечом, или обращено в рабство (πρὸς δουλικὴν τύχην) ¹¹⁹.

В 25-й новелле Иоанна Цимисхия, изданной между 972 и 975 гг., предписывается, что за рабов, взятых стратиотами в плен во время походов, пошлина не должна уплачиваться. Она взыскивалась лишь с тех, кто «придя на рынок или в поселение, купит рабов у торговцев или болгар, или приобретет их каким-либо другим путем, или получит в дар» ¹²⁰. Из этой новеллы, изданной вскоре после завоевания Северо-Восточной Болгарии Византией, следует, что болгары, упомянутые здесь отдельно от работорговцев, могли в тяжелых условиях византийского владычества

¹¹⁴ См. «Житие св. Ивана Рильского» (И. Иванов. Български старини. . . , стр. 379).

¹¹⁵ Ср. Michaelis Attaleiote Historia, p. 204. 5—6.

¹¹⁶ См. «Житие св. Ивана Рильского» (И. Иванов. Български старини. . . , стр. 379); ср. Sessaumeni Strategicon, p. 47. 24—26.

¹¹⁷ О рабстве в средневековой Болгарии см. «История на България», I, София, 1954, стр. 83—84; Д. Ангелов. Рабството в средновековна България. ИП, ч. II, 1945, 2, стр. 129—156; М. Андреев, Д. Ангелов. История. . . , стр. 73—74; А. Наджинicolaоу-Магара. Recherches sur la vie des esclaves dans le monde Byzantin. Athènes, 1950, p. 54 sq.; И. Митев. Исторически студии. София, 1955, стр. 257—295; Р. Браунинг. Рабство в Византийской империи. ВВ, XIV, 1958, стр. 38—56.

¹¹⁸ В «Ответях папы Николая» (D. Detschew. Responsa Nicolai I papae ad consulta Bulgarorum. Serdicae, 1940, XXI, p. 56) упоминаются рабы, бежавшие от своих господ, рабы, бежавшие за границу (p. 56, 58), и рабы, клеветующие на своих господ перед боярами (p. 116). Предусматриваются также санкции против тех, кто продает в рабство мужчину или женщину (XXXII, p. 60). Главы 4-я и 5-я краткой редакции ЗСЛ предусматривают санкции за прелюбодеяние с рабыней (В. Ганев. Ук. соч., стр. 225, 241). В главе 18-й право свидетельствовать предоставляется рабу и свободнику (там же, стр. 470). В главе 25-й господин раба, совершившего кражу, обязывается или возместить ущерб пострадавшему, или отдать ему самого раба (там же, стр. 539). В главах 27-й и 29-й обращение в рабство предусматривается как наказание за ограбление трупа и за продажу в рабство свободного человека (там же, стр. 554, 566). В «Житии св. Власия» рассказывается, что во время путешествия святого по Болгарии он был продан в рабство своим спутником (см. AASS, Nov., IV, p. 660E—661A).

¹¹⁹ В. Г. Васильевский. Один из греческих сборников Московской Синодальной библиотеки. ЖМНП, ч. 248, 1886, стр. 101.

¹²⁰ Jus, I, p. 258; ср. Iv. Sakâzov. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte, S. 25.

сами испытать рабскую участь. Сведения о рабах-болгарах содержатся также в новелле Алексея Комнина, изданной в 1095 г. в ответ на запрос архиепископа Фессалоники Феодула относительно прибегнувших к заступничеству церкви рабов-болгар. В новелле говорится, что эти рабы, желая освободиться, пытались доказать, что они рождены от отцов-болгар и в голодные годы были проданы своими родителями за небольшую цену; господа же их отрицали, что они болгары ¹²¹.

Очень много сведений о рабах содержится в «Стратегиконе» Кекавмена. Наряду с элевтерами рабы трудились во владениях феодала, в его мастерских, на мельницах и в садах, а во время войны или восстаний входили в состав его войска ¹²². Торговля рабами в XI в. была обычным явлением ¹²³.

Данные о рабовладении в начале XIII в. содержатся в переписке Охридского архиепископа Хоматиана. В одном из его писем рассказывается о рабе, провинившемся перед своей госпожой. Раб был пойман с помощью других рабов. У него была отсечена рука, и он умер от потери крови. Через шесть лет госпожа, чувствуя угрызения совести, явилась к архиепископу и покаялась. Наказанием было отлучение от церкви на три года ¹²⁴.

К сожалению, в документе не говорится, рассматривались ли подобные случаи гражданским судом. Вероятнее всего, нет. Во всяком случае сообщение о применении членовредительства в отношении раба показывает, что рабовладелец имел еще неограниченную власть над личностью раба. В одном из писем Теофилакта Охридского говорится о продаже в рабство детей, родители которых зацугались в долгах ¹²⁵.

Все эти сведения показывают, что рабство в средневековой Болгарии сохранялось. Оно нашло свое отражение и в болгарском законодательстве. ЗСЛ предусматривает в качестве наказания за наиболее тяжелые преступления превращение свободных в рабов ¹²⁶. После подчинения Болгарии Византией вследствие непрерывных войн, постоянных нашествий кочевников рабство среди славян на Балканах получило значительное распространение ¹²⁷.

Прямых данных о роли рабов в производстве и об их юридическом положении мы не имеем. Источники упоминают о рабах-болгарах главным образом в городах ¹²⁸. Рабов здесь покупали, продавали и дарили, как скот ¹²⁹. В Византии рабы занимались ремеслом, ювелирным делом, ткачеством, изготовлением свечей, мыла, эфирных масел, использовались на строительных работах и т. д. ¹³⁰ Некоторые рабы могли иметь свои мастерские или участвовать в ремесленных коллегиях-цехах в качестве заместителей своих господ ¹³¹. Естественно предположить, что в подчиненных Византии болгарских городах рабы использовались в городском ремесле, где их труд был сравнительно более рентабельным. Вместе с тем частые упоминания о рабах наряду с элевтерами, работавшими в поме-

¹²¹ См. Jus, I, p. 344. Р. Браунинг (ук. соч., стр. 51) считает, что слова «работорговцы» и «болгары» употреблены здесь почти как синонимы. С этим трудно согласиться. Мы не знаем других свидетельств о том, что болгары занимались работорговлей, кроме сообщения о вынужденной из-за голода продаже детей в рабство.

¹²² C e s a u m e n i Strategicon, p. 64, 18—65, 5; ср. p. 55. 21; 61.18.

¹²³ Jus, I, p. 257—258; ср. C e s a u m e n i Strategicon, p. 48. 1—3.

¹²⁴ J. V. P i t r a. Analecta sacra et classica, Spicilegio Solesmensi parata, iuris ecclesiastici graecorum selecta paralipomena, t. 6 (7), 1891, col. 529—530.

¹²⁵ PG, t. 126, col. 337 BC.

¹²⁶ В. Г а н е в. Ук. соч., стр. 554, 557, 566.

¹²⁷ Д. А н г е л о в. Рабство. . . , стр. 151—152.

¹²⁸ Jus, I, p. 258; C e s a u m e n i Strategicon, p. 48. 1—3; 60. 10 и т. д.; Повесть временных лет. М., 1950, стр. 48.

¹²⁹ См. 25-ю новеллу Иоанна Цимисхия (Jus, I, p. 258).

¹³⁰ J. N i c o l e. Le Livre du Préfet. Genève, 1894, III, 2, p. 27; ср. Р. Б р а у н и н г. Ук. соч., стр. 44.

¹³¹ J. N i c o l e. Op. cit., II, 10, p. 24.

стях феодалов, свидетельствуют о том, что рабский труд находил известное применение и в сельском хозяйстве¹³². Однако в это время экономических предпосылок для широкого применения рабского труда в сельском хозяйстве не существовало. Мелкий сельский собственник не был столь состоятелен, чтобы содержать многочисленную челядь, и не располагал столь обширным наделом, чтобы испытывать потребность в рабском труде для его обработки. Согласно сообщению Кедрина, при Самуиле болгарское хозяйство средних размеров имело один зевгарь земли (участок, который мог быть обработан одной парой волов). Иными словами, средний крестьянин имел столько земли, сколько мог обработать личным трудом с помощью членов своей семьи. В крупных же феодальных хозяйствах применялся труд зависимых крестьян, которые имели владельческие права на обрабатываемую ими землю, и потому были заинтересованы в ее обработке. Часть урожая они брали себе, а другую отдавали феодалу. Труд зависимых крестьян был для феодала более выгодным, чем труд раба¹³³.

Социальное положение средневекового раба в Болгарии не было полностью идентичным с положением раба античного. Правда, и болгарский раб не считался личностью, т. е. не имел права собственности и владения землей; за нанесенный им ущерб отвечал его господин¹³⁴. Однако он не являлся уже и *instrumentum vocale* — говорящим орудием. Он уже мог, как и свободник, выступать свидетелем¹³⁵. Система наказаний, применяемая к рабам, была уже не столь жестокой, как в древности. В «Ответях папы Николая» рекомендуется прощать беглого раба, пойманного господином, или раба, клеветущего на хозяина перед чиновниками¹³⁶. Самый факт, что рабы могли являться к правителям или боярам и жаловаться на своих хозяев, показывает, что их положение уже не было столь тяжелым, как в древности. Очевидно, больше возможностей существовало и для отпуска рабов на волю. Согласно новелле Алексея Комнина от 1095 г., те рабы, которые могли доказать при помощи свидетелей свое происхождение от свободных болгар, отпускались на волю, и господа не имели права опровергать их показания, выставляя своих свидетелей¹³⁷.

В той же новелле говорится, что некоторые рабовладельцы не позволяли своим рабам венчаться в церкви и заключать законные браки, чтобы не лишиться власти над ними¹³⁸. Следовательно, рабы, вступившие в законный брак, имели иногда больше возможностей для освобождения. К сожалению, мы не располагаем сведениями о наличии у рабов в этот период каких-либо вещных прав.

Таким образом, перемены социально-экономического характера обусловили улучшение положения рабов сравнительно с античным рабством. Рабы XI—XII вв. по своему статусу стояли ближе к элвтерам и отрокам, чем к античным рабам. Это нашло свое отражение и в болгарском,

¹³² Подробнее об этом см. Г. Цанкова-Петкова. Югозападные българските земи, стр. 603—604.

¹³³ Д. Ангелов. Робството. . ., стр. 141—142.

¹³⁴ В. Ганев. Ук. соч., гл. 25, стр. 539.

¹³⁵ Там же, гл. 18, 22. Д. Ангелов («Робството. . .», стр. 145) считает, что такое толкование основано на неправильном переводе С. С. Бобчева («Старобългарски правни паметници». София, 1903, стр. 174). Имеется в виду текст пространной редакции (там же, стр. 96), который гласит: «Родители и дети, если они свидетельствуют друг против друга, не заслуживают доверия. . ., равно как и раб, если он свидетельствует против своего господина». Смысл этого места таков, что раб не мог выступать свидетелем против своего господина, но он мог быть, по нашему мнению, свидетелем вообще. Такой же точки зрения придерживается и В. Ганев (ук. соч., стр. 470—480).

¹³⁶ D. Detschew. Op. cit., p. 116.

¹³⁷ Jus, I, p. 345.

¹³⁸ Ibidem.

и в византийском средневековом законодательстве. Тот факт, что в документах, где речь идет о феодально-зависимых крестьянах, рабы обычно не упоминаются, является лишним доказательством того, что рабский труд применялся главным образом в городах.

Итак, в результате проведенного исследования можно заключить, что процесс феодализации происходил под византийским владычеством более быстрыми темпами, чем в предшествующий период. Разложение свободной сельской общины и формирование феодального землевладения достигли значительных успехов в Болгарии еще в IX—в первые десятилетия X в. Однако феодальные институты еще окончательно не сформировались. Некоторые данные о них содержатся в первой грамоте Василия II, где он заявляет, что оставил неизменным порядок вещей, существовавший в Болгарии до завоевания. Из этой грамоты следует, что болгарские епископы располагали определенным числом париков еще до 1018 г. Но число зависимых крестьян как во время Первого Болгарского царства, так и в первые десятилетия византийского господства было ограниченным. Свободное население составляло подавляющее большинство населения Болгарского государства и оставалось основой его экономической и военной мощи. Позднее, в связи с ухудшением внутреннего и внешнего положения страны, процесс разорения свободного крестьянства и вовлечение его в зависимость ускорился. Наличие огромного комплекса заброшенных земель свидетельствует о сокращении населения в болгарских областях в это время. Существование больших площадей пустующей земли говорит не о земельном голоде, как полагают некоторые авторы, а о нехватке рабочих рук. Условия для развития земледелия в завоеванных Византией областях резко ухудшались. Доходы с этих земель падали или вовсе переставали поступать. Поэтому центральная власть дарила малодоходные заброшенные земли монастырям или раздавала их в качестве характеристики или пронию отдельным феодалам. На этих землях селились парики, разорившиеся, свободные до того крестьяне, терявшие, таким образом, свою независимость. Свободное крестьянство в это время по-прежнему преобладало, однако его обязанности в отношении центральной власти значительно увеличились.

Различия в экономическом и социальном отношении между свободным и зависимым крестьянством все более исчезали. Они определялись главным образом отношением к земле — характером собственности на землю. Свободные крестьяне обладали правом почти неограниченного распоряжения своей землей. Феодальное зависимое крестьянство делилось на две категории: 1) парики — владельцы наследственной или приобретенной земли, пользовавшиеся, хотя и несколько ограниченным, правом собственности на нее; 2) безземельные парики, получавшие в силу обычного парического права некоторые владельческие права на землю, после того как обрабатывали ее свыше 30 лет. Наш обзор отнюдь не исчерпывает всех форм социально-правовых отношений в феодальной Болгарии того времени. Кроме того, скудость источников и различия содержания одних и тех же терминов в разных документах не позволяют делать окончательных выводов. Можно, однако, утверждать, что четких границ между отдельными категориями населения не существовало. Бывшие свободные превращались в париков и элевтеров, элевтеры — в париков; освобожденные рабы становились свободными, а дети свободных попадали в рабство. Однако общей тенденцией развития было превращение свободного крестьянства в зависимое, что в отдельных случаях приводило к крепостному состоянию.

Различия в положении свободного крестьянина и парика, имевшего наследственное держание, выражалось в том, что первый был обязан повинностями в пользу государства, а второй — в пользу феодала.